

Главное — хорошая строительная команда!

Возвращаясь к началу этой главы, отмечу, что проблеме застройки Петербурга Петр начал уделять серьезное внимание примерно с 1710 г., то есть после Полтавского сражения, в корне изменившего всю политическую ситуацию в Восточной Прибалтике. Начиная с этого времени царские указы о строительстве Петербурга хлынули буквально потоком. Они посвящались, в сущности, трем главным темам. Во-первых, это были распоряжения о том, как организовать строительные работы, во-вторых, — указы о «собрании» жителей нового города, что достигалось путем насильственных переселений из других городов. Наконец, в-третьих, это — указы о благоустройстве Петербурга и полицейском режиме в нем.

Вообще, наладить строительство такого большого города, да еще в столь короткие сроки оказалось делом сверхсложным. Надо помнить, что Ингерманландия — глухой медвежий угол, окраина расселения великорусской народности. А как трудно было сюда доехать из центра страны по бесконечным, непролазным грязям! На свежего человека поездка в Петербург производила ужасающее впечатление. Современник писал, что вдоль

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 44г. Л. 85.

²⁰ *Калязина Н. В.* Архитектор Леблон в России (1716—1719 гг.) // От Средневековья к Новому времени... С. 118.

²¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 44г. Л. 90.

²² *Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 212.

дорог на Петербург «в весеннее и осеннее время можно насчитать дюжинами мертвых лошадей, которые в упряжке задохлись в болоте».²³

Первым строителям города пришлось столкнуться с многочисленными трудностями. Северный климат, топкие болота, избыток воды, зыбкие грунты — все это нужно было не просто учитывать, а преодолевать. Еще в 1706 г., а, возможно, и раньше для ведения строительства города была создана Городовая канцелярия, или Канцелярия городских дел (с 1723 г. она называлась Канцелярией от строений). Многие годы ее возглавлял Ульян Акимович Сенявин. В 1715 г. была учреждена должность начальника Канцелярии — обер-комиссара, им стал князь А. М. Черкасский, и хотя Сенявин продолжал по-прежнему работать в Канцелярии, но уже как его заместитель. С отъездом Черкасского в 1720 г. в Сибирь на должность губернатора Сенявин вновь сел на место руководителя Канцелярии.

Портрет на фоне города

Князь Алексей Михайлович Черкасский, или «Мешочек смелости» за пазухой

В тяжелые времена реформ и переворотов особенно трудно удержаться на вершине власти и почти невозможно дожить без опалы и отставки до своей естественной кончины. Еще труднее до самого конца быть «в милости», окруженным официальным почетом, утешенным и приободренным неизменной лаской государя. К числу таких редких счастливых случаев русской истории относится князь Алексей Михайлович Черкасский. Многие современники видели в нем лишь ленивца и глупца, который делал карьеру благодаря удачному стечению обстоятельств да умению ловко дремать с открытыми глазами на бесчисленных заседаниях. Черкасского из-за особой тучности называли «телом» правительства, тогда как «душой» считали других — более честолюбивых, ловких, пронырливых, вроде Шафирова, Остермана или потом, уже при Анне Иоанновне, Артемия Волынского. Но они, эти ловкачи, вдруг куда-то исчезали, проваливались, а Черкасский из года в год неизменно и невозмутимо вел заседания, пересидев всех своих друзей и недругов, да еще пятерых самодержцев.

Первое, о чем обычно пишут современники и биографы Черкасского, так это о его фантастическом богатстве. Действительно, он был богатейшим человеком России, владельцем поместий величиной с иные европейские державы и десятков тысяч крепостных крестьян. Умственные и деловые качества Черкасского современники даже не обсуждали. Герцог Бирон — фактический правитель России при Анне Иоанновне — жаловался своему знакомому на трудности в ведении государственных дел: «Остерман уже 6 месяцев лежит в постеле. Князя Черкасского вы знаете, а между тем все должно идти своим чередом». Язвительный князь Михаил

²³ «Описание... столичного города С.-Петербурга». С. 228.

Щербатов писал о Черкасском: «Человек весьма посредственный умом, ленив, незнающ в делах и, одним словом, таскающийся, а не носящий имя свое и гордящийся единым своим богатством».

И все же ни богатство, ни знатность, ни родство, ни тучность, ни тем более глупость обычно не спасали от опалы, гнева или недовольства самодержца. В личности Черкасского есть своя загадка. Приметим, что с юношеских лет он занимался государственными делами вместе с отцом — тобольским воеводой, боярином князем Михаилом Яковлевичем, и как второй воевода управлял Сибирью. В петровское время ему давали разные поручения, в том числе и руководство Городовой канцелярией. Это было такое учреждение, в котором не очень-то подремлешь на заседании — как известно, в строительных управлениях во все времена дым стоит коромыслом. А Черкасский руководил строительным ведомством целых пять лет! И царь был им доволен.

Князь А. М. Черкасский

Возможно, Черкасский не был так инициативен, как другие, ему, как писал один из современников, не хватало «мешочка смелости», но он явно сидел на своем месте, умел подбирать людей и успешно вел непростое дело.

Конечно, после смерти Петра Великого многие сановники расслабились. Но, как видно из документов, Черкасский дремал в полглаза. Этот флегматичный толстяк мог вдруг проснуться и сказать несколько слов, которые в устах этого несуетного и молчаливого вельможи звучали особенно весомо и авторитетно. Так, в начале 1730 г., когда верховники во главе с князьями Голицыными и Долгорукими фактически ограничили самодержавную власть императрицы Анны Иоанновны в свою пользу, все вдруг с удивлением услышали громкий голос князя Черкасского. На встрече дворянства с верховниками в Кремле именно он, а не кто-то другой, смело вышел вперед и потребовал от Верховного тайного совета, чтобы будущее государственное устройство России обсуждали не в кулуарах, не в узком кругу верховников, а в среде дворянства. Потом он превратил свой богатый дом в своеобразный штаб дворянских прожекторов и сам был автором проекта о восстановлении самодержавия. Вот и «мешочек смелости» нашелся!

«Затейка» верховников таким образом провалилась, а самодержавие было восстановлено. Все стало как прежде, и Черкасский мог вновь мирно дремать — императрица Анна Иоанновна, получив самодержавное полномочие, этой услуги Черкасскому не забыла. В 1734 г. он занял высшую должность в империи — стал канцлером России и сидел на этом месте до самой своей смерти в 1742 г., уже при новой императрице Елизавете Петровне.

Городовая канцелярия под руководством Сенявина и Черкасского обеспечивала государеву стройку всем необходимым, начиная с чертежей и смет и кончая материалами и рабочей силой. Это было мощное строительное учреждение со штатом опытных архитекторов, художников, мастеров и ремесленников. Общий бюджет его на 1722 г. достигал 162,5 тысяч рублей и включал такие статьи расхода, за которыми мы ясно видим картину грандиозной городской стройки:

- «за подрядные и покупные всякие материалы» — 36 450 руб. 53 коп.;
- «за каменные и деревянные строения и дела» — 7796 руб.;
- «за разные фигуры свинцовые и медные, и за другие иноземцам и русским в даче» — 4657 руб. 10 коп.;
- «наемным работником за провоз всяких материалов подрядчиком» — 9686 руб. 73 коп.;
- «на покупку фуража лошадям» — 879 руб. 60 коп.;
- «солдатам заработных денег, кои на работах при Санкт-Петербурхе» — 2137 руб. 39 коп.;
- «на дело кирпича и черепицы» — 16 616 руб. 63 коп.;
- «прогонов в разные места» — 459 руб. 10 коп.;
- «в Питергоф на дачу заработанных денег салдатам и на материалы, и на другие расходы» — 27 605 руб. 63 коп.;
- Итого 105 749 руб. 52 коп.

Кроме того, из ведомства Кабинета Петра шли деньги на несколько особых строек:

- «в Стрелину мызу» — 39 161 руб. 80 коп.;
- «на Котлин остров» — 15 500 руб.;
- «в Дубки» — 1910 руб.
- Итого 56 571 руб. 80 коп.
- Всего 162 321 руб. 33 коп.²⁴

Таким образом, исключая целевые траты из средств Кабинета, больше половины денег собственно Городовой канцелярии в 1722 г. ушло на покупку и заготовку стройматериалов, нужных для строительства (всего 57,7 тыс. руб.). Если же учесть деньги Кабинета, то окажется, что на строительство пригородных царских резиденций (Петергоф, Стрельна, Дубки) из общей суммы расходов Канцелярии (162,3 тыс. руб.) в 1722 г. ушло больше половины (84,1 тыс. руб.).

Нельзя сказать, что расходы на строительство Петербурга были сумасшедшими. Флот обходился стране во много раз дороже — ежегодно на него тратили больше миллиона рублей, а на содержание армии вообще уходила подавляющая часть доходов государства — 3—4 млн. рублей в год. Время Петербурга было тяжело для России по другим причинам. За новую столицу страна расплачивалась громадными людскими жертвами, весьма ощутимыми для кармана каждого плательщика расходами и «проторями» переселенцев. Огромные деньги шли на доставку всего необходи-

²⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 33а. Л. 13 об.

мого для нового города. Да и сама жизнь в юном граде была мучительна и дорога.

А вот каков был, согласно отчетной ведомости Городовой канцелярии, состав ее служащих в 1722 г.²⁵ Первым в списке шел Ульян Сенявин, именуемый в документах той поры «господином директором над строениями» или «...от строений» (фамилию его писали как через «и» — Синявин, так и через «е» — Сенявин). Долгие годы он ходил в полковничьем чине и только 21 мая 1725 г. был пожалован в «ранг генерал-маеора».²⁶ Его помощниками были капитан Иван Алмазов и брат Ульяна комиссар Федор Сенявин. Делопроизводством Канцелярии ведали дьяки Лука Тарсуков и Александр Борисов, под началом которых скрипели перьями шесть канцеляристов, шестнадцать подканцеляристов и один переводчик. Помещенные охраняли, а также бегали на посылках девять сторожей. При Канцелярии был созданный в 1709 г. батальон солдат (257 рядовых), набранных из разных полков и состоящий под командой майора Заборского.²⁷ Они работали на стройках, охраняли стройматериалы, ездили с поручениями.

Специалисты занимали особое место в штате Канцелярии. Первым среди «архитекторов» писался Доменико Трезини («италианец Андрей Трезин», хотя он считается швейцарцем), получавший, как Ульян Сенявин и итальянец Гаэтано («Гайтан») Киавери, 1000 рублей в год. Затем в списке архитекторов (привожу его согласно ведомости) упомянут «цесарец» (т. е. австриец) Николай Гербель (750 руб.), выходец из «прусской земли» Иоганн («Яган») Бронштейн (или Браунштейн) (600 руб.), голландцы «архитект и мармулир» (т. е. мастер по обработке мрамора) Иоганн Ферстер (227 руб.) и Стефен ван Свитен (Звитен или «Степан Фансвитин») (468 руб.), «слюзный мастер голландец Тимофей Фонармус, который на кирпичных заводах у дела кирпича инспектором» (390 руб.), а также «слюзного дела мастер Питер фон Гезель» (он же Фангезель).

В штате Канцелярии работали мастера: резчики по камню, дереву и металлу (четверо «цесарцев» во главе с Францем Циглером, два жителя Нарвы, итальянец и немец-токарь), каменщики (двое голландцев и один курляндец), садовый мастер швед Улоф Удельфельт, плотники («цесарец» и трое курляндцев), «черепичные мастера» (двое курляндцев), кузнецы (трое жителей Нарвы), строители турецких бань армяне Осип и Павел Давыдовы, оконных дел мастера — «оконечники» (двое жителей Нарвы). Следом упомянуты голландские мастера, занятые возведением колокольни Петропавловского собора: столяр и «спичный мастер» голландец Герман ван Болес,²⁸ часовой мастер Андрес Форстен, «игральной музыкант»

²⁵ Об этой ведомости см.: Семенова Л. Н. Иностранцы мастера в Петербурге в первой трети XVIII в. // Наука и культура России XVIII в.: Сб. ст. Л., 1984. С. 201—224.

²⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 4. Л. 5 об.

²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 266. Л. 458.

²⁸ Любопытно, что работавший в России многие годы Г. ван Болес жил без семьи и, согласно договору, половину его жалованья получала оставшаяся в Голландии жена (РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 27. Л. 157).

(на курантах), «свинечный мастер Корнелиус Гарлит», а также Яган Ферстер (возможно, родственник упомянутого выше «мармулира» И. Ферстера), который прибыл из Гамбурга. Все они получали не более 500 рублей каждый.

Отступление

«Десант» из Парижа

Посещение Петром Парижа в 1717 г. надолго запомнилось французам. Необыкновенный русский царь, победивший «короля-викинга» Карла XII, прославившийся любовью к иностранцам, твердой рукой вводивший в России европейские порядки, поразил французов. Конечно, чопорных версальских придворных коробила «простоватость» русского государя, мало считавшегося с этикетом. Всем запомнилась ошеломляющая сцена, когда «русский крещеный медведь» при первой же встрече внезапно подхватил на руки семилетнюю неприкосновенную особу «христианнейшего короля» Людовика XV и начал его целовать и тискать, как куклу, или когда на официальном приеме, вопреки протоколу, повернулся спиной к регенту Франции Филиппу Орлеанскому и пошел впереди него. А уж то, как свита Петра, поселенная с ним в Версале, приволокла из Парижа в покои, принадлежавшие некогда мадам Ментенон, девиц легкого поведения...

Но Париж простил это «гениальному варвару», который светским развлечениям предпочитал познания, гулянья в Версале — осмотр Монетного двора, театру — Академию наук. Шесть недель в Париже и Версале потрясли Петра. Он оценил величие французской культуры, гениальность ее мастеров, и ему захотелось пригласить многих из них в Россию и Петербург. Французским мастерам обещали в России очень большие деньги и все, что нужно для души и тела. И вскоре целая французская «экспедиция» мастеров разных профессий, нанятых эмиссарами Петра, отправилась в Россию.

Во главе этого «десанта», высадившегося на Васильевском острове и даже образовавшего «Французескую слободу», оказался великий архитектор Леблон («Иван Баптист Александр Леблонд»). опережая Леблона, вместе с ним и после него в Россию приехали с семьями и домочадцами многие незаурядные специалисты. Раньше основной группы французов прибыл «резной мастер» Никола Пино (в русских документах — Пиноу, Николай Пиновий). Он «стоил» больше, чем все другие иностранные мастера. Ему положили гигантское по тем временам жалованье — 1200 рублей в год. 1000 руб. получал и французский слесарь Гийом (Вилим) Белин (столько же получали сам Сенявин и Доменико Трезини), однако в 1722 г. он попал в тюрьму за убийство слуги и с тех пор трудился, вероятнее всего, уже «безденежно».

Встреча Петра Великого с Людовиком XV.
Гравюра Зубчанинова по рисунку Н. Загорского

Среди других французов в ведомостях Канцелярии упомянуты подмастерье-мебельщик, родственник Пино, живописец Луи (Лодовико) Каравакк (500 руб.) «полатного строения мастер Франц Деваль» (фламандец Франсуа де Вааль), а также (перечисляю по ведомости 1719 г.) «подархитект Лежанр Парижский... строитель и кандуктор Карл Тапе... каменщик Эдму Бурбон..., столяр Иван Мишель... подмастерье в каменном обчерчении и в резьбе Антон Кардисьер... поляровщик на меди Иван Наозет Саманж... (Жан Сен-Манж. — Е. А.), литейный мастер Степан Саваж (Саважю)».²⁹

Эти и другие французские специалисты («живописец гротеске и арабеске, и украсительных вещей» Филипп Пильман (Пилеман), обойщик Рушело, шпалерник Рошебот, вышивальщик Рокенар (Рокинард), столяры Нобле (Ноблет), Перон, Фансуре, резчики по дереву Сен-Лоран, Руст, Фодре, Таконе и Фоле, серебряных дел мастер Клод Второй Баллен, литейный мастер Франсуа (или Паскаль?) Вассу, слесарь Гирот, обработчик камня и товарищ Кардасье Ф. Бателье, каретники Ф. и Ж. Расин, Намбер, Бордот, садовый мастер Годо) оставили свой след в истории русской культуры.³⁰

²⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 5г. Л. 865 об.—866.

³⁰ Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 22—23; Калязина Н. В., Калязин Е. А. Жан Леблон // Зодчие Санкт-Петербурга: XVIII век. СПб., 1997. С. 77—78.

О Леблоне уже сказано, портреты работы марсельца Каравакка известны в России. Филипп Багагль и Петр Камус (Питер Камюс) «зачали» в России шпалерное производство.³¹ Вассу делал в Летнем саду «каскаду свинцовую», слесарь Белин изготавливал решетки для Петергофа. Вместе с Пино, столяром Жаном Мишелем он приложил руку к созданию «версальского шедевра» в Петергофе — изящного дворца Марли.

Особо отметим заслуги Никола Пино — без упоминания имени этого выдающегося рисовальщика, декоратора, резчика не обходится ни одна книга о прикладном искусстве первой четверти XVIII в.³² А чтобы понять, какой это был мастер, достаточно войти в Большой Петергофский дворец, в Кабинет Петра I, стены которого покрыты необыкновенной красоты резными дубовыми панелями. А за окном виден один из двух Больших фонтанов. Он называется до сих пор «Французским» потому, что его, как и многие другие петергофские фонтаны, делал фонтанный мастер Жерар Суалем с племянником Полем — оба из семьи строителя водозводной башни в Версале Р. Суалема.³³ П. Суалем же вместе с Пино, Земцовым и механиком Ферстером создали в 1725 г. один из самых трогательных фонтанов Петергофа — «Фаворитку».

«Каменный мастер» Антуан Кардасье. Имя его вряд ли о чем-нибудь говорит читателю, даже если назову его по-русски Антоном Кардасиэром. Но каждый, кто бывал в Монплеzure или хотя бы видел картину Николая Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе», вспомнит его изумительную работу — мраморный, бело-черными квадратами, пол Парадного зала Монплезира... Многие здания в Петербурге возводил «полотный мастер» Франц Деваль — нанятый в Голландии фламандец, который в документах числился как француз.³⁴ Словом, французские нити тесно вплетены в ткань русской культуры, как и голландские, немецкие, итальянские...

Из итальянских мастеров в Петербурге работали, кроме также записанных как французы Бартоломео Карло Растрелли с сыном Бартоломео Франческо (по-русски, чтобы не путать с тезкой-отцом, его называли Варфоломеем Варфоломеевичем), Г.Киавери (он уехал из России осенью 1721 г.)³⁵, живописец Бартоломео Тарсий, архитекторы Никколо Микет-

³¹ Коршунова Т. Т. Русские ткачи-шпалерники XVIII века // Культура и искусство России XVIII века. Л., 1981. С. 75–79; Кратыш Л. Шпалеры Ассамблейного зала дворца Монплеzure // Петергоф: Альманах. 1992. С. 167.

³² Бирюкова Н. Ю. Французское прикладное искусство 18 века и его мастера в России // Россия — Франция: Век Просвещения. СПб., 1992. С. 13–14.

³³ Раскин А. Г. Петродворец. Дворцово-парковый ансамбль XVIII века. Л., 1975. С. 74; Калязина Н. В., Калязин Е. А. Жан Леблон. С. 77.

³⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 26а. Л. 24.

³⁵ Там же. Д. 26в. Л. 779 (согласно записи в книге за октябрь 1721 г., было решено «архитекта Гайтана Киаверия отпустить в отечество ево, понеже он по контракту своему урочные годы выжил»).

ти, Джованни Марио Фонтана, «главные мастера каменщики Осип Карадилли и Павел Компанили», а также «фонтанные мастера», или «мастера оловяницкого дела», венецианцы Джованни и Джулио Бараттини («фантанные паяльщики Иван и Ульян Беретени»), «штукотуры» Антон Квадрий и И. Росси, а также чертежник Гашпария.³⁶ В Петербурге собрался настоящий «Интернационал»: немцы, голландцы, итальянцы, французы, армяне (Павел и Осип Давыдовы), прибалтийские немцы, да еще упомянутые в ведомости пленные шведы.

В 1722 г. общий расход на 59 иностранных специалистов составил 17 355 руб. Эту сумму следует признать большой — 40% от всех расходов Канцелярии, куда входили расходы на служащих и солдат, а также русских мастеров. Их было 2166 человек, и на них истратили 44 063 руб. 51 коп., не считая отпущенных им натурой 9350 четвертей муки, 343 — крупы, 548 — овса, 149 четвертей ржи и 212 пудов соли. Впрочем, как и в других случаях, царь денег на иностранных специалистов никогда не жалел — польза от их труда была всем очевидна.

Из русских специалистов в списках 1722 г. особо отметим единственного архитектора Ивана Устинова (жалованье 180 руб.), архитектурного подмастерья Михаила Земцова (180 руб.), архитектурных учеников Григория Несмеянова, Ивана Протопопова, Ивана Баженова, Ивана Клерова, Василия Зайцева, Андрея Шубинского, Федора Козлова и Ивана Людоговикова, а также «пильных водяных мельниц мастера» Наума Остафьева и других мастеров и подмастерьев, всего 90 человек.³⁷ К середине 1720-х гг. стали прибывать выучившиеся за границей русские архитекторы и художники. В июне 1725 г. к делу были определены приехавшие еще весной 1724 г. из Рима архитекторы Тимофей Усов и Петр Еропкин, а в августе 1725 г. в Канцелярию зачислен живописец Иван Никитин, которому были приданы ученики.³⁸

При Канцелярии были созданы специальные классы, где молодые люди учились сложным строительным профессиям. Так, Леблон создал школу, в которой преподавали архитектурное и чертежное дело, лепку, резьбу по дереву и т. д.³⁹ Возможно, об этой школе сказано в записи о расходе дров: «На Васильевском острове во Французской улице в 2-х светлицах 2 печи, а в тех светлицах обретаются архитектурныя ученики у обучения архитектурного художества и отправления чертежей, 14 человек».⁴⁰ У каждого из архитекторов было по несколько учеников. О системе обучения их в мастерских архитекторов при Канцелярии написано

³⁶ Там же. Д. 33а. Л. 26 об.; *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Жан Леблон. С. 100; *Семенова Л. Н.* Иностранные мастера... С. 203.

³⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 26в. Л. 28 об.—40.

³⁸ Там же. Оп. 4. Д. 4. Л. 1, 5.

³⁹ *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782 гг. СПб., 1885. С. 116.

⁴⁰ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 44г. Л. 90.

много.⁴¹ Петр I стремился использовать иностранный опыт осознанно, с пользой для России. Как известно, у царя-плотника были прекрасные отношения с английскими корабельными мастерами, работавшими в Адмиралтействе, Козенцем, Наем, Броуном и др. Но все они были крайне недовольны своеобразной системой обучения, установленной царем. Как писал англичанин Д. Ден, «чтобы дать возможность россиянам лучше присмотреться, обычно в то время, когда английский корабельный мастер закладывает корабль, тут же рядом приказывают российскому мастеру строить другой корабль с такими же размерениями, причем российский мастер пользуется правом подробно осматривать и снимать меру с работы англичанина». Кроме того, царь принуждал, чтобы каждый мастер «представил точный перечень всех требований и действий при постройке ими кораблей».⁴² Летом 1720 г. Макаров писал Я. Брюсу, что «Е. ц. в., будучи в Питергофе изволил упоминать з гневом для чего ему, Пилману (французский художник. — Е. А.), ученики не даны?»⁴³

В целом в штате Канцелярии было много знающих, талантливых людей. Кроме перечисленных выше специалистов в Канцелярии в разное время работали с Доменико Трезини его сын Пьетро Антонио и зять Карло Джузеппе Трезини, а также отец и сын Растрелли. Немец Георг Иоганн Маттарнови (в некоторых изданиях пишется с одним «т», как в источниках того времени) строил Второй Зимний дворец, Партикулярную верфь, Кунсткамеру и Исаакиевскую церковь, а Леонард Теодор Швертфегер — Александро-Невский монастырь. Конечно, многие из них не были, подобно Жану Батисту Александру Леблону или Бартоломео Франческо Растрелли, гениями, но делали свое дело профессионально, на века, что мы все можем подтвердить.